

Научная статья

УДК 391; 7.031.2

doi: 10.17223/22220836/48/17

ИСКУССТВО РУССКОГО КОСТЮМА В КИТАЕ

Олег Вадимович Дементьев

Краснодарский государственный институт культуры, Краснодар, Россия; Хэбэйский университет иностранных исследований, Шицзячжуан, КНР, pitepa83@mail.ru

Аннотация. В статье автор повествует о высокой степени сохранения русского костюма как части культуры предков сибирских и дальневосточных казаков, старообрядцев на территории Синцзян-Уйгурского автономного района и Трехречья в Китае. Но при этом отмечено почти полное исчезновение традиционного костюма у албазинцев.

Также в статье представлены основные источники изучения одного из национальных меньшинств в Китае – русских, их истории появления, фольклора и быта, традиций. К таким источникам относятся как научная литература, так и полевые исследования, на основе которых сделаны соответствующие выводы о наличии и сохранности костюма. Статья является частью диссертационного исследования автора.

Ключевые слова: Китай, албазинцы, Русское Трехречье, русские в Синцзян-Уйгурском автономном районе, русский костюм

Для цитирования: Дементьев О.В. Искусство русского костюма в Китае // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022. № 48. С. 215–225. doi: 10.17223/22220836/48/17

Original article

THE ART OF RUSSIAN COSTUME IN CHINA

Oleg V. Dementev

Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, Russian Federation; Hebei Foreign Studies University, Shijiazhuang, People's Republic of China, pitepa83@mail.ru

Abstract. Russians in China are represented in three directions of settlement: Albazians, Russian three rivers and Russians in the Xinjiang Uyghur region. The scope of the study is the north and north-east of China on the border with the Far Eastern and East Siberian Federal districts of Russia. This article identifies literary and material sources that prove the emergence, development, as well as the importance of Russian costumes in the northern, north-eastern part of China.

Albazians. In 2011 was created the archaeological expedition at the monument of federal value “The Albazin fortress”. From the materials found during the excavations, it can be assumed that the Albazians used Daurian elements in clothing and costumes.

In 1685, some Cossacks moved to the side of Manchu, partially losing Russian traditions and culture before the arrival of the Spiritual mission to Beijing in the late XIX century. Since the middle of the XX century, the remaining Albazians, assimilated, and from the elements of life of Orthodox culture were only crosses and Church utensils. Respectively a suit, as part of culture was lost.

Russian Three Rivers. At the turn of the XVIII–XIX centuries in the area of Three Rivers refugees from Siberia and Transbaikalia put the first Zaimka, and by the end of the XIX century there were already formed mass settlements. At the beginning of the XX century the Russian population was about 90%.

Since the end of the XVII century in the north-eastern territory of China appears uniform (military) clothing of Siberian and Trans-Baikal Cossacks. Since the XX century, it has been preserved and presented to the Chinese audience in dance performances, described in the publication “the History of modern dance in China (1840–1996)”.

To determine the degree of preservation of clothing and costume elements, it is necessary to conduct an ethnographic expedition with a photo and video recording of the life and folklore of the Three Rivers settlements, followed by their analysis. Materials on oral Russian folklore collected in the expeditions of A.P. Zabyako and A.A. Zabyako. A detailed description of the folklore and traditions of the Three Rivers is contained in the monograph of V.L. Klyaus, which today is the most relevant source for research.

Russians in Xinjiang Uyghur region. At the beginning of the XX century in Xinjiang moved white guard families who do not recognize the Soviet regime, as well as the old believers of the Far East and Siberia. The Russian population in Xinjiang positions itself as the descendants of Russians, while belonging to the small peoples of China. The language and traditions in General, the Russian national costume are preserved.

Russian dance styles are still being studied in the Northern regions of China, appropriate stage costumes are being sewn, and Russia – China arts and culture festivals are held annually, in which they take part, demonstrating costumes of Chinese and Russian educational institutions, ensembles.

Keywords: China, Albazinians, Russian Three Rivers, Russian in Xinjiang-Uyghur Autonomous region, Russian costume. The article considers each of them

For citation: Dementev, O.V. (2022) The art of russian costume in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 48. pp. 215–225. (In Russian). doi: 10.17223/22220836/48/17

Русские как представители национальных меньшинств на территории Китайской Народной Республики (далее – КНР) распределены на три группы: албазинцы, Русское трехречье и русские в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее – СУАР). Все они относятся к одной из 56 национальностей Китая – 俄罗斯族 (e luo si zu). Для создания общей картины и получения сравнительных характеристик русского костюма в КНР рассмотрим каждое из направлений расселения отдельно. Под костюмом понимаются исторически сложившиеся элементы одежды, используемые в обрядах либо для создания сценических образов, перенесенные из России на территорию Китая.

Территориальные рамки исследования – север и северо-восток КНР, на границе с Дальневосточным и Восточно-Сибирским федеральными округами Российской Федерации (далее – РФ), обусловленные историческим расселением и эмиграцией русского населения. Целью и задачами исследования является определение литературных и материальных источников, доказывающих историческое появление, развитие, а также значение русских костюмов в северной, северо-восточной части КНР. Данная статья является частью диссертационного исследования автора.

Для исследования используются метод художественного анализа, а также историко-сравнительный метод. Среди общенаучных методов – аналогия и сравнение.

Первое упоминание о русских в Китае датируется 1330 г. – «охранный Русский полк в Пекинской гвардии» при правлении хана Тутимура (Джаяду). А с 1331 г. Русскому полку была выдана серебряная печать, т.е. учреждение командного состава и присоединение его к ближайшему ханскому полку. При этом командование было создано не из русских, а из кипчаков (половцев) и алан асе (аланов) [1. С. 66, 68–69]. Так как Русский полк находился на

полном обеспечении монгольской империи, соответственно, нельзя говорить о каких-либо элементах русской одежды в составе полка. К тому же он не являлся постоянным поселением, хоть в тексте [1. С. 66–67] и указывается о выдаче им одежды, земель и сельскохозяйственных орудий.

Албазинцы (阿尔巴津人, a er ba jin ren). Первое русское поселение, перешедшее на территорию Китая после очередной осады маньчжурскими войсками, летом 1685 г., острога Албазин (сегодня село Албазино Сковородинского района Амурской области в РФ). Современные потомки албазинцев проживают в Пекине, Тяньцзине, Хайлааре, Харбине, Ухане, Чанчуне и Шеньяне [2. С. 40].

С 2011 г. была создана археологическая экспедиция по возобновлению раскопок памятника федерального значения «Албазинская крепость» и разведке в окрестностях села Албазино – совместная работа фонда «Петропавловск» и Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области (далее – ЦСНАО), а с 2015 г. и Русского Географического Общества (далее – РГО). В процессе археологических раскопок были обнаружены фундамент православного Спасского монастыря, основанного в 50-х гг. XIX в., и многочисленные захоронения. Доказано, что острог основан на месте городка даурского князя Албазы, сожженного Ерофеем Павловичем Хабаровым в 1651. Доказательством стали находки предметов XVII в. и позднего средневековья, среди которых синие пастовые бусины, бронзовые пуговицы, кожаная обувь, фрагменты керамики, ядра, пули, стрелы и копья, а также серебряные монеты – «чешуйки» [3–6]. Автор статьи принимал непосредственное участие в археологических раскопах Албазинского острога в 2015 и 2016 гг. в качестве одного из представителей РГО.

Из вышеизложенного материала можно предположить, что албазинцы носили одежду и костюмы, не только относящиеся к православной культуре, но и использовали в ней даурские элементы. Эти элементы могли быть как в качестве сбережений, так и в качестве украшений, дополнений к одежде.

С 1685 г., после осады острога, часть казаков с семьями перешли на сторону маньчжур, составив там отдельное подразделение при императоре Кан Си [7; 8; 9. С. 359]. Вследствие того, что русских женщин было немного, казаки вступали в брак, смешиваясь с маньчжурским населением. Кроме изменения внешности, у последующих поколений приобретались китайские черты лица, менялось вероисповедание. За сменой религии следовало и изменение культуры, быта, традиционная русская одежда сменялась маньчжурской. Речь идет о частичной утере албазинцами русских традиций и культуры до прихода Духовной миссии в Пекин в конце XIX в. [7; 8; 9. С. 360].

Во время Боксерского восстания в 1900 г. многие из албазинцев работали при Русской Духовной миссии. И перед ними стал выбор – расстаться с жизнью или скрывать свое вероисповедание. С середины XX в. они ассимилировались с китайским населением. Со времени «культурной революции» в КНР не осталось ни одного православного храма, все они были разрушены [8].

К 2000 г. в КНР албазинцев насчитывалось лишь 250 человек, из 15 600 человек русского населения. Из элементов одежды и быта, относящихся к казачьей православной культуре, остались лишь нательные кресты и некоторая церковная утварь, напоминавшие им о дедах и прадедах, о малой родине [7; 8; 9. С. 361].

В итоге можно говорить о существовании традиционной одежды и костюма у албазинцев в КНР до конца XVII – начала XVIII в., а также о частичном возрождении у них православной культуры с конца XIX до начала XX в. А с созданием нового государства – КНР, при политике Мао Цзэдуна – об утрате культурной составляющей и соответствующих традиционных элементов одежды.

Русское Трехречье – территория между реками Хаул, Дербул и Ган, правобережными притоками Аргуни. Традиционное русское поселение в Северной Маньчжурии – Русская национальная волость в составе городского уезда Аргунь-Юци округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия [10]. Население – метисы китайско-русского происхождения, частично сохранившие русскую речь и русские традиции.

На рубеже XVIII–XIX вв. в районе Трехречья появляются первые зимовья и заимки, поставленные беженцами из Сибири и Забайкалья. К концу XIX в. здесь уже формировались массовые поселения, к началу XX в. местное население составляло около 90% русских переселенцев [Там же].

В конце 1920-х – начале 1930-х, по причине действия Советского правительства по отношению к крестьянству, многие из крестьян выбрали путь эмиграции в соседнюю Восточную Маньчжурию. «В Китае многие приморские крестьяне-старообрядцы селились первоначально в Трехречье, где еще в конце XIX – начале XX в. сформировалось несколько казацких и крестьянских, в том числе старообрядческих, поселений, недалеко от г. Харбина. Здесь их какое-то время материально поддерживало Главное бюро по делам эмигрантов в Маньчжурии» [11, 12].

В монографиях «Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке» [13], «Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина» [14. Гл. 1] имеются подтверждения фактов переселения русских казаков, сохранения религиозных и культурных элементов среди русского населения Китая XX в. «Тяжелейшим образом сказались на населении русского Дальнего Востока события 30-х гг. XX в. Значительная часть казачества, не приняв советской власти, сразу после Гражданской войны ушла в Маньчжурию» [14. С. 31]. Речь идет о русских казаках, живущих в рамках «дальневосточного фронта», чья ментальность была «проявлена – в организации религиозной и культурной жизни русских жителей Харбина» [13. С. 11]. Понятие «дальневосточный фронт» подразумевает контактную зону Азиатско-Тихоокеанского региона между странами, народами и культурами.

Из вышесказанного можно судить о появлении русского костюма с конца XVII в., после перехода албазинцев, на северо-восточной территории и форменной (военной) одежды Сибирского и Забайкальского казачества с конца XVIII в. До 1774 г. у казаков не было установленной формы одежды, «в казачьих рядах одновременно встречались русские кафтаны, восточные халаты, кавказские бешметы, польские жупаны» [15].

Во время правления Николая II прошло последнее преобразование, появилась единая форма, имеющая знаки и цвета отличия в зависимости от региона. Подробное описание формы и ее исторического развития дано на сайте «Сибирское казачество» [Там же].

С 1907 г. на смену белым приходят серовато-желто-зеленые однобортные кители с пятью металлическими пуговицами. Мундир с короткими полыми, шестью складками сзади, стоячим закругленным воротником, выпушкой прикладного цвета, на рукавах пришивной обшлаг. На воротнике и обшлаге одиночные петлицы из белой тесьмы с просветом по прикладному сукну. В походных условиях надевали косоворотку без карманов, со стоячим воротником и обшлагами на двух пуговицах. Шаровары из серо-синего сукна с лампасами, обшитые кожей, и черные сапоги. Парадная форма: серо-зеленая гимнастерка, шаровары без кожи и фуражка [15]. Под понятием «прикладной цвет» понимается цвет прикладной ткани на шароварах, т.е. лампаса.

«Казачий конвой Российского Охранного отряда в Пекине. Конвойцы были одеты в кители, шаровары, сапоги, кроме того, имели тропические белые шлемы французского образца с широким чехлом защитного цвета, погоны и перчатки цвета хаки. Офицеры конвоя надевали на службе защитного цвета брюки, парусиновые гетры (длиной 45 см) с тремя пряжками и ремешками на наружной стороне и ботинки (высотой 18 см) желтой кожи на шнурках, с толстой подошвой и каблуком» [Там же].

С XX в. форма не только сохранялась, но и была представлена китайскому зрителю в танцевальных постановках. Упоминание военной формы в качестве сценического костюма, представленного в русских танцевальных постановках на китайской сцене, есть в научном издании «История развития современного танца в Китае (1840–1996)» [16]. «苏区革命歌舞的产生, 还当追溯到1924年起国共两党建立了统一战线, 进行了第一次国内革命战争的北伐时期, 那时在革命军中就已经建立了宣传队» («Советские революционные песни и пляски появились еще в 1924 г., когда две партии стран создали единый фронт для проведения Северного похода во время Первой гражданской революционной войны, тогда в революционной армии были созданы агитационные группы») [16. Р. 81]. В основном тексте речь идет о советских солдатах, казаках, демонстрирующих посредством хореографии мастерское владение оружием, ловкость и боевой дух красноармейцев, используя военную форму в качестве сценического костюма. Так как парадную форму разрешалось носить на концерты и во время ряда праздников, можно предположить, что использовали оба типа формы. При этом не отмечено конкретное название коллектива, в источнике употребляется термин «宣传队» (xuan chuan dui) – агитационно-пропагандистский отряд (либо отряды). Большую часть репертуара составляли песни с танцевальными элементами. С 1926 г. советские агитационные бригады пели «возрождение Красного знамени», «песню рабочих и крестьян», «о дисциплине в Красной армии». В 1932 г. популярными стали танцы: «русский», «украинский», «челночный» и «танец с саблями» [Ibid.].

«В настоящее время в Трехречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном – люди, родившиеся в смешанных браках. По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек» [17]. По мнению А.П. Тарасова, «их этничность детерминруется общей историей и культурой, а важнейшим фактором самоидентификации в качестве русских послужили обиды за репрессии в период культурной революции» [18]. С мая по июнь 2015 г. Амурским государственным

университетом были организованы две экспедиции, в ходе которых собраны семейные мемораты русских Трехречья. Участники экспедиции: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзянлин. Участникам полевых исследований удалось доказать, что трехреченцы сохранили русские традиции, праздники, отношение к церкви, историческую память о предках, частично сохранили русскую ментальность. При этом жители Трехречья идентифицируют себя не как русские, а своеобразный симбиоз китайского и русского населения, как отдельный род, преимущественно русский анклав, для поддержания которого нужны и китайцы, и русские [17].

Сегодня, для определения степени сохранения элементов одежды и костюма, церковной утвари Трехречья понадобится отдельная этнографическая экспедиция с фото- и видеофиксацией быта и фольклора поселений трехреченцев, а также последующим их анализом. Материалы по сохранившемуся устному русскому фольклору собраны в экспедициях А.П. и А.А. Забияко, 2015–2016 гг. [19]. Описание фольклора и традиций трехреченцев есть и в монографии В.Л. Кляуса [20], являющейся сегодня наиболее актуальным для исследований источником.

Судя из данных статей и полевых исследований, частичному сохранению подлежали элементы быта, одежды, военной формы сибирского, забайкальского, а также приморского казачеств.

Русские в СУАР. СУАР (新疆维吾尔自治区, xin jiang wei wu er zi zhi qu; Синьцзян с китайского языка – новая граница или новые рубежи) – северо-запад КНР.

«Первые известия о русских в Синьцзяне относятся к 1850 г.: томские купцы сообщали о китайских христианах в Кульдже, которые утверждали, что они являются потомками русских казаков. Во второй половине XIX в. в Синьцзяне появились русские консульства, торговые представительства. В 1877 г. открылась первая русская каменная церковь в Кульдже. К концу XIX в. русская колония в СУАР насчитывала около 2 000 человек. Основными центрами расселения русских были Кульджа, Чугучак, Суйдун и Урумчи» [21].

С начала XX в., в Синьцзян переселялись белогвардейские семьи, не признающие советскую власть [22]. С 1930 по 1940 г. «сюда [приграничные территории Китая] стали стекаться дальневосточные староверы, поселившиеся отдельными семьями в разных уголках Маньчжурии, в том числе в Трехречье, Синьцзяне, куда мигрировали в основном старообрядцы Алтая» [12].

Современное население русских в Синьцзян позиционирует себя как потомки русских, в основном сибирских казаков, при этом относятся к малым народам Китая. Для сохранения культурной составляющей по сей день действует русская школа, в которой проводятся различные кружки, секции по изучению русских традиций. Население интересуется русской историей, следит за политической и экономической обстановкой в Российской Федерации, им доступны различные средства массовой информации, русская литература. Русское казачество периодически посещает автономный район с той же целью – сохранение культуры, поддержание отношений с потомками соотечественников. Соответственно, мы можем говорить не только о сохранении

языка и традиций в целом, но и сохранения элемента русской культуры – костюма в данном регионе.

В северных регионах КНР и сегодня изучаются различные направления русского танца, шьются соответствующие сценические костюмы. Например, в Хэйхэском университете (провинция Хэйлунцзян) русскими хореографами создаются постановки как эстрадные, так и народно-сценические (рис. 1), используя трюковые движения русского танца (рис. 2), различные варианты национального русского костюма (рис. 3, 4). Ежегодно проводятся фестивали искусств и культуры Россия – Китай, в которых принимают участие, демонстрируя костюмы, ансамбли Амурской области, Хабаровского края, учебные заведения КНР (авторские фотографии).

Рис. 1. Народно-стилизированный танец «Валенки»
Fig. 1. Folk-stylized dance “Valenki”

Рис. 2. «Ползунок» в мужской партии русского танца «Кадриль»
Fig. 2. “Slider” in the male part of the Russian dance “Quadrille”

Рис. 3. Отчетный концерт в городе Хэйхэ

Fig. 3. Reporting concert in Heihe city

Рис. 4. Гастроли в городе Харбин

Fig. 4. Touring in Harbin city

Заключение. Появление русского костюма на территории Китая – заслуга сибирских и дальневосточных казаков, по разным причинам попавших в страну и основавших поселения. В силу обстоятельств албазинцам как части русского населения современной КНР не удалось сохранить русский традиционный костюм, но остается память истории переселения их предков в некоторых предметах быта, практически утрачен русский язык. Русским в Трехречье и СУАР, напротив, не только удалось сохранить костюм, элементы фольклора, в основном устного, и традиций, они и сегодня передают их из поколения в поколение. Об этом свидетельствует ряд научных работ, как русских, так и иностранных: диссертаций, монографий, статей, большая часть которых основывается на полевых исследованиях. Русские традиционные костюмы, в основном военная форма, упоминаются в китайской научной

литературе: «История развития современного танца в Китае (1840–1996)» [16] и датируется XX в.

Для более подробной фиксации и анализа оставшейся русской традиционной одежды, костюмов и быта в целом во Внутренней Монголии и СУАР понадобятся новые экспедиции с участием не только филологов, этнографов, религиоведов, но и специалистов искусствоведения. Наиболее актуальными источниками для дальнейших исследований темы являются как дневники экспедиций, так и научные публикации А.П. Забияко и А.А. Забияко, А.П. Тарасова, В.Л. Кляуса, ЦСНАО, фонда «Петропавловск» и РГО.

Русский национальный костюм и сегодня является частью культуры, изучаемой в учебных заведениях КНР, в основном на приграничной территории с РФ. В свою очередь, университеты северного Китая демонстрируют русский костюм и в других регионах страны посредством хореографического, вокального или театрального искусства, приглашая хореографов для длительной работы со студентами, либо русские ансамбли для кратковременных совместных выступлений, фестивалей.

Список источников

1. Русь и Асы в Китае, на Балканском полуострове в Румынии и в Угорщине в XIII–XIV в. (заметки Преосв. Палладия, докт. Бретшнейдера, архим. Руварца и редактора) // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского Русского Географического Общества под редакцией председательствующего в отделении этнографии В.И. Ломанского. Вып. I. СПб. : Типография С.Н. Худекова, 1894. С. 65–77.
2. Виноградов А.О. Внешняя политика Китайской народной Республики в 1949–1976 гг. Фонд исторической перспективы. Центр исследований и аналитики. Перспективы. 15.08.2016. URL: <http://journal.perspektivy.info/> (дата обращения: 20 апреля 2019).
3. Зайцев Н., Волков Д., Щербинский Е. Городище на горе Шапка – средневековый форпост на Амуре // Родина. 2012. № 5. С. 46.
4. Степанов Д. Албазин в XVII веке: военная и духовная крепость Приамурья // Родина. 2011. № 12. С. 55–56.
5. Черкасов А., Беляков А. Археологические исследования в Албазино // Родина. 2012. № 5. С. 47.
6. Черкасов А., Зайцев Н., Онищук В., Сухоруков Н. Албазинская экспедиция. Современные геофизические методы в исследовании Албазинского острога // Родина. 2011. № 12. С. 59–63.
7. Поздняев Д. Свящ. Дионисий Поздняев. Албазинцы // Православная энциклопедия. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. I. С. 448–752.
8. Поздняев Д. Свящ. Дионисий Поздняев. Свящ. Православие в Китае (1900–1997 гг.). М., 1998.
9. Ян Сумэй. Казаки в истории российско-китайских отношений (XVII в. – 1920 г.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 2. С. 354–364.
10. Соломеина Ю.Н. Трехречье – пространство поликультурных взаимодействий российско-китайского трансграничья // Конференция «Путь Востока», Путь Востока. Культура. Религия. Политика : материалы XVI молодежной конференции по проблемам философии, религии и культуры Востока (25–27 апреля 2013 г.). СПб. : СПб. философ. общество, 2014. С. 120–124.
11. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Маньчжурии. Владивосток : ИИАЭ народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2008. 400 с.
12. Аргудяева Ю.В. Эмиграция русских крестьян Дальнего Востока в Маньчжурию. URL: <http://xxl3.ru/pages/argudiaeva.htm> (дата обращения: 20.04.2019).
13. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2016. 450 с.
14. Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2009. С. 9–35.

15. *История и эволюция казачьей формы*. Сибирское казачество. 11.06.2019. URL: <https://sibkazak.ru/istoriya-i-yevoluciya-kazachey-formy/> (дата обращения: 02.09.2019).
16. Wang Ke Fen. National Art Science “ninth five-year plan” is a key project. History of the development of modern contemporary dance in China (1840–1996). Editor-in-chief. People’s music press. Beijing : People’s music press, 1999, 2016 reprint. 853 p. (In Chin.).
17. Забияко А.П., Забияко А.А. Семейные мемораты русских Трехречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-memoraty-russkih-tryohrechya-kak-osnova-rekonstruktsii-istoricheskikh-protssosov-i-etnokulturnoy-identifikatsii-v-kitayskoy> (дата обращения: 04.05.2019).
18. Тарасов А.П. Русская национальная волесть Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. М. : Ин-т востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2014. Т. XLIV, ч. 2. С. 187–208.
19. Забияко А.П., Забияко А.А. Фольклор русскоязычной диаспоры Трехречья как основа сохранения этничности. URL: // <https://cyberleninka.ru/article/n/folklor-russkoyazychnoy-diaspory-tryohrechya-kak-osnova-sohraneniya-etnichnosti> (дата обращения: 04.05.2019).
20. Кляус В.Л. «Русское Трехречье» Маньчжурии: очерки фольклора и традиционной культуры. М. : ИМЛИ РАН, 2015. 416 с.
21. Попов А.В. Русская диаспора в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М. : Ин-т рос. истории РАН. 2001. С. 194–201.
22. Комиссарова Е.Н. Белогвардейская эмиграция в Синьцзяне в 1920–1935 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 226 с.

References

1. Rev. Pallady et al. (1894) Rus' i Asy v Kitae, na Balkanskom poluostrove v Rumynii i v Ugorshchine v XIII–XIV v. (zametki Preosv. Palladiya, dokt. Bretshneydera, arkhim. Ruvartsa i redaktora) [Rus' and Ases in China, on the Balkan Peninsula in Romania and in the Ugorshchina in the 13th – 14th centuries (notes by Rev. Pallady, Dr. Bretschneider, Archim. Ruvarts and the editor)]. *Zhivaya starina*. 1. pp. 65–77.
2. Vinogradov, A.O. (2016) *Vneshnyaya politika Kitayskoy narodnoy Respubliki v 1949–1976 gg.* [Foreign policy of the People's Republic of China in 1949–1976]. 1976 Historical Perspective Foundation. Center for Research and Analytics. Perspectives. 15th August. [Online] Available from: <http://journal.perspektivy.info/> (Accessed: 20th April 2019).
3. Zaytsev, N., Volkov, D. & Shcherbinskiy, E. (2012) Gorodishche na gore Shapka – srednevekovyy forpost na Amure [A Settlement on Mount Shapka – a medieval outpost on the Amur]. *Rodina*. 5. pp. 46.
4. Stepanov, D. (2011) Albazin v XVII veke: voennaya i dukhovnaya krepost' Priamur'ya [Albazin in the 17th century: the military and spiritual fortress of the Amur region]. *Rodina*. 12. pp. 55–56.
5. Cherkasov, A. & Belyakov, A. (2012) Arkheologicheskie issledovaniya v Albazino [Archaeological research in Albazino]. *Rodina*. 5. pp. 47.
6. Cherkasov, A., Zaytsev, N., Onishchuk, V. & Sukhorukov, N. (2011) Albazinskaya ekspeditsiya. Sovremennyye geofizicheskie metody v issledovanii Albazinskogo oostroga [The Albazin expedition. Modern geophysical methods in the study of the Albazinsky prison]. *Rodina*. 12. pp. 59–63.
7. Pozdnyayev, D. (2000) Svyashch. Dionisiy Pozdnyayev. Albazintsy [Priest. Dionisy Pozdnyayev. Albazians]. In: *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya.” pp. 448–752.
8. Pozdnyayev, D. (1998) *Pravoslavie v Kitae (1900–1997 gg.)* [Holy Orthodoxy in China]. Moscow: [s.n.].
9. Yang Sumei. (2016) Kazaki v istorii rossiysko-kitayskikh otnosheniy (XVII v. – 1920 g.) [Cossacks in the history of Russian-Chinese relations (17th century – 1920)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya “Mezhdunarodnye otnosheniya”*. 2. pp. 354–364.
10. Solomeina, Yu.N. (2014) Trekhrech'e – prostranstvo polikul'turnykh vzaimodeystviy rossiyskokitayskogo transgranich'ya [Three Rivers – a Space of Multicultural Interactions of the Russian-Chinese Cross-Border Area]. *Put' Vostoka. Kul'tura. Religiya. Politika* [of the East. Culture. Religion. Politics]. Proc. of the 16th Conference. April 25–27, 2013. St. Petersburg: St. Petersburg. filosof. obshchestvo. pp. 120–124.
11. Argudyaeva, Yu.V. (2008) *Russkie staroobryadtsy v Man'chzhurii* [Russian Old Believers in Manchuria]. Vladivostok: IIAE narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN.

12. Argudyaeva, Yu.V. (n.d.) *Emigratsiya russkikh krest'yan Dal'nego Vostoka v Man'chzhuriyu* [Emigration of Russian peasants from the Far East to Manchuria]. [Online] Available from: <http://xxl3.ru/pages/argudiaeva.htm> (Accessed: 20th April 2019).
13. Zabiako, A.A. (2016) *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina* [The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: SB RAS.
14. Zabiako, A.P., Kobyzov, R.A. & Ponkratova, L.A. (2009) *Russkie i kitaytsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and Chinese: Ethnomigration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 9–35.
15. Sibkazak.ru. (2019) *Istoriya i evolyutsiya kazach'ey formy. Sibirskoe Kazachestvo* [History and evolution of the Cossack form. Siberian Cossacks]. 11th June. [Online] Available from: <https://sibkazak.ru/istoriya-i-evolyutsiya-kazachey-formy/> (Accessed: 2nd September 2019).
16. Wang Ke Fen. (1999) *National Art Science "ninth five-year plan" is a key project. History of the development of modern contemporary dance in China (1840–1996)*. Beijing: People's music press.
17. Zabiako, A.P. & Zabiako, A.A. (2016) Family memorats of Russians from Trekhrech'ye as basis of reconstruction of historical processes and ethno-cultural identification in Chinese environment. *Rossiya i ATR – Russia and the Pacific*. 3(93). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-memoraty-russkikh-tryohrechya-kak-osnova-rekonstruktsii-istoricheskikh-protsessov-i-etnokulturnoy-identifikatsii-v-kitayskoy> (Accessed: 4th May 2019).
18. Tarasov, A.P. (2014) *Russkaya natsional'naya volost' En'khe v Barge: poisk russkimi svoey natsional'noy identichnosti v prigranichnom Kitae* [Russian National Volost Enhe in Barga: Russians' Search for Their National Identity in Border China]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. XLIV(2). pp. 187–208.
19. Zabiako, A.P. & Zabiako, A.A. (2016) *Fol'klor russkoyazychnoy diaspory Trekhrech'ya kak osnova sokhraneniya etnichnosti* [Folklore of the Russian-speaking diaspora of the Three Rivers as the basis for the preservation of ethnicity]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/folklor-russkoyazychnoy-diaspory-tryohrechya-kak-osnova-sohraneniya-etnichnosti> (Accessed: 4th May 2019).
20. Klyaus, V.L. (2015) *"Russkoe Trekhrech'e" Man'chzhurii: ocherki fol'klora i traditsionnoy kul'tury* ["Russian Three Rivers" of Manchuria: essays on folklore and traditional culture]. Moscow: IWL RAS.
21. Popov, A.V. (2001) *Russkaya diaspora v Sin'tsyzan-Uygurskom avtonomnom rayone Kitaya* [Russian diaspora in the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China]. In: Polyakova, Yu.A. & Tarle, G.Ya. (eds) *Natsional'nye diaspory v Rossii i za rubezhom v XIX–XX vv.* [National diasporas in Russia and abroad in the 19th–20th centuries]. Moscow: Russian Academy of Sciences. pp. 194–201.
22. Komissarova, E.N. (2004) *Belogvardeyskaya emigratsiya v Sin'tsyzane v 1920–1935 gg.* [White Guard emigration in Xinjiang in 1920–1935]. History Cand. Diss. Barnaul.

Сведения об авторе:

Дементьев О.В. – соискатель ученой степени кандидата искусствоведения факультета искусств и дизайна Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия); преподаватель русского языка, хореограф Школы иностранных языков города Лоян (Лоян, Китайская Народная Республика). E-mail: pitepa83@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dementev O.V. – Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation); Hebei Foreign Studies University (Shijiazhuang, People's Republic of China). E-mail: pitepa83@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.08.2019;
одобрана после рецензирования 16.01.2020; принята к публикации 04.11.2022.
The article was submitted 06.08.2019;
approved after reviewing 16.01.2020; accepted for publication 04.11.2022.